

эрудиція вновъ начинаеть питать вульгарную поэзію, обновляется въ Полиціано и Пульчи творческій починъ Петрарки и Боккаччо и раздаеться такой восторженный отзывъ: «Кто читалъ Боккаччо, человѣка ученѣйшаго и краснорѣчивѣйшаго, тотъ навѣрно скажетъ, что онъ единственный въ свѣтѣ не только по изобрѣтательности, но и по обилію слова», говоритъ Лоренцо Медичи въ комментаріяхъ къ своимъ сонетамъ; «кто раздумаетъ надъ разнообразіемъ сюжетовъ Декамерона, то серьезныхъ, то обыденныхъ, то низменныхъ, обнимающихъ все, что только можетъ волновать человѣка, любовь и ненависть, страхъ и надежду; кто обратитъ вниманіе на всѣ эти невиданныя уловки и хитрости, на изображеніе всѣхъ возможныхъ характеровъ и страстей, какія только бывають на свѣтѣ,— тотъ безъ сомнѣнія заключитъ, что ни одинъ языкъ не въ состояніи выразить это лучше нашего»¹⁾.

IV.

Отнынѣ авторъ Декамерона станетъ итальянскимъ классикомъ и эрудитъ Генеалогій отойдетъ на задній планъ. И Декамеронъ и Генеалогіи одинаково принадлежать раннему гуманистическому движенію и, можетъ быть, первый болѣе яркій его показатель. Это и дастъ мнѣ поводъ еще разъ поставить вопросъ, не разъ поднимавшійся на предыдущихъ страницахъ: о хронологическомъ починѣ, о самомъ опредѣленіи гуманизма. Въ его понятіе входятъ идеи, освобождающія отъ преданія, развитіе критическаго начала въ жизни и знаніи; все это явилось въ результатѣ естественнаго историческаго роста и искало встрѣчныхъ формъ мысли и выраженія у классиковъ.

Перенесемъ это опредѣленіе на Боккаччо: до начала 50-хъ годовъ онъ еще не объявился латинскимъ эрудитомъ, а между тѣмъ и произведенія его юношеской поры, и пицерововская фраза Декамерона покоятся на широкомъ чтеніи классиковъ; тѣ-же общіе

1) Poesie di Lorenzo de' Medici, ed. G. Carducci, стр. 16.

вопросы жизни и призванія, судьбы и поэзіи, которые онъ ставитъ въ своихъ ученыхъ трактатахъ, манили и прежде къ рѣшенію, и если гуманизмъ предполагаетъ вождельнія свободы и критики, то Декамеронъ гуманнѣе и навѣянный старостью и самобичеваніемъ ригоризмъ латинскихъ трудовъ означаетъ поворотъ назадъ. Другими словами, Боккаччѣо былъ гуманистомъ раньше, чѣмъ стать эрудитомъ, условія его ранняго развитія были даны въ культурной обстановкѣ его юности, въ ученыхъ вождельніяхъ Паоло изъ Перуджіи, въ воззрѣніяхъ и привычкахъ окружавшаго его общества. Это общество вышло изъ того, которое для Данте было «настоящимъ». Имъ Данте не доволенъ: онъ мѣритъ его идеалами прошлаго, судитъ о городскихъ движеніяхъ своего времени съ высоты идеальныхъ, имперскаго и папскаго, принциповъ, когда историческое движеніе уже поставило на мѣстѣ перваго идею народности и государственности; онъ мечтаетъ о старомъ добромъ времени, когда честныя жены блюли святость семейнаго очага и поэзію колыбели—а въ его современности нравы разложились, поднимаетъ голову религіозное вольнодумство, нѣтъ Цинциннатовъ и Корнелій, возможна безстыжая Чангелла изъ родовитой семьи Тозинги и безумная расточительность Лапо деи Салтарелли¹⁾. И вотъ онъ зоветъ назадъ, еще разъ формулируя вѣрованія и убѣжденія, когда то живыя; синтезъ его Божественной Комедіи архаиченъ по отношенію къ жизни, въ которой уже собрались матерьялы, типы и воззрѣнія Декамерона—въ ожиданіи синтеза Боккаччѣо.

Великіе поэты-мыслители—великіе рефлекторы, собирающіе живые лучи, разсѣянные на историческомъ пути; ихъ талантливость закупааетъ, ихъ творчески-собирательная сила представляется намъ ихъ начинаніемъ; но они и вліяютъ далѣе, по скольку резюмируютъ; признаніе, которое они встрѣчаютъ, указываетъ на извѣстную приготовленность среды, узнающей свои полустремленія, свои безсознательные вкусы и робкіе порывы критической

1) Paradiso, XV, 123 слѣд.

мысли—въ сознательной формулѣ, можетъ быть, односторонней, но ясной и успокоивающей указаніемъ цѣлей; вѣдь и призывъ отъ культуры къ природѣ и подъемъ чувствительности существовали въ теченіяхъ европейской мысли и литературы задолго до Руссо. Съ этой точки зрѣнія Петрарка и Боккаччо не открываютъ, а формулируютъ предыдущее имъ движеніе, это и ставитъ на очередь требованіе: общѣе и шире опредѣлить самое понятіе итальянскаго гуманизма и гуманистическаго движенія вообще¹⁾. Не періода, который можно было-бы обвести линіей годовъ и обозначеніемъ столѣтій, а стараго теченія мысли, которое начинаетъ поражать насъ своей глубиной, когда въ его водахъ явственнѣе отразятся очертанія издавна провожавшаго его по берегамъ античнаго пейзажа. Церковныя реформы XI-го вѣка остановили это теченіе, создавъ въ язычески-индифферентной средѣ борьбу міросозерцаній, религіозный дуализмъ, лишь отчасти отвѣчавшій идеальнымъ противорѣчіямъ папства и имперіи, но опиравшійся на нихъ; когда эти противорѣчія ослабѣли, прежняя струя пробилась снова. Вопросъ въ сущности сводится не къ тому, откуда пошло движеніе гуманизма, а что его замедлило. Разумѣется, не внезапная погоня за рукописями латинскихъ авторовъ, не усиленный на нихъ спросъ и не пріѣздъ захудалыхъ грековъ создали его; но за нимъ тѣмъ не менѣе останется эпитетъ классическаго, латинскаго. Именно классики, и именно въ Италіи, помогли мысли объективироваться въ самонаблюденія, въ большей свободѣ отъ средневѣковаго общественнаго и церковнаго преданія; они не только давали критерій и формулу для рѣшенія вопросовъ, на которые это преданіе не отвѣчало, либо которые отрицало, но и сами ставили вопросы, возбуждая теоретическую дѣятельность ума. Они создали искусственную атмосферу, въ ко-

1) По этому вопросу сл. обстоятельное изслѣдованіе проф. М. Корелина, Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Москва 1892—3 гг. Какъ легко-вѣсно орудуя терминами Ренессансъ и Гуманизмъ, можно видѣть напр. у Faguet: для него Ренессансъ—это стремленіе къ идеямъ классической древности, Гуманизмъ—стремленіе къ ея искусству!

торой изопрялся вкусъ къ новымъ нормамъ прекраснаго, интересъ устремлялся къ вопросамъ поэзіи и нравственности и воспитывалось народно-культурное самосознаніе. Если оно ограничилось теоріей и грёзами, тому причиной отсутствіе въ жизни широко-поставленныхъ общественныхъ задачъ; оттого итальянскій гуманизмъ теоретиченъ, отданъ идеальнымъ построениямъ, слишкомъ исключительно ищетъ ихъ въ предѣлахъ древности и тѣмъ тормозитъ себя; но въ этой теоретичности его международная сила, во второй разъ поднимшая въ исторіи международное значеніе и латинской рѣчи. Итальянскій гуманизмъ аристократиченъ; обособленность интеллектуальной среды, сознаніе высокихъ цѣлей должны были поднимать самосознаніе мыслителя, поэта, эгоизмъ личности, сторонившейся отъ толпы въ цѣляхъ духовнаго преуспѣянія и навивной надеждѣ, что перерожденіе человѣка пересоздастъ и общество. Пусть такая индивидуальность станетъ лицомъ къ лицу съ прямыми общественными задачами, она отдастъ ему свои знанія, вернетъ толпѣ симпатіи, потому что плодомъ ея эгоистическаго воспитанія былъ культъ человѣка, понятаго всецѣло; это обогатило понятіе христіанскаго альтруизма. Движеніе реформы не вышло изъ гуманизма, но рѣшилось отчасти его силами.

Поставленный въ такой перспективѣ образъ Боккаччо выиграетъ въ сходствѣ, если и утратитъ кое-гдѣ ту яркость, которая явилась результатомъ пониманія Ренессанса, какъ момента, съ героями-начинателями, впервые выѣхавшими на полеванье противъ средневѣковыхъ страховъ. Когда свѣтъ распредѣлится ровнѣе, яркихъ пятенъ будто меньше: гуманизмъ вмѣнится широкому общественному теченію, знаменитая новелла «о трехъ кольцахъ» не станетъ больше вызывать идей вѣротерпимости, Декамеронъ не представится внезапнымъ откровеніемъ міра плоти и радости, торжествующихъ надъ аскезой. Останется Боккаччо, художникъ-реалистъ, выразившій идеи своего времени въ формахъ и образахъ, которые времени не знаютъ.